

ванія, мы сообщимъ только, что судъ отказался освободить подсудимаго отъ предварительнаго ареста, даже подъ условіемъ представленія значительнаго залога. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, не можетъ сдѣлать не только государственный канцлеръ, но и самъ Императоръ. Прежде рѣшенія дѣла судомъ представляется весьма неудобнымъ подвергать осужденію образъ дѣйствій правительства. Мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія сомнѣваться въ фактахъ, на которыхъ основано обвиненіе, а коль скоро факты дѣйствительно таковы, какъ они изложены въ обвиненіи, то лица, возбуждавшія послѣднее, поступили вполне основательно. Если бы эти факты относились къ какому-либо незначительному чиновнику Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, то образъ дѣйствій правительства и суда представлялся бы каждому вполне естественнымъ и правильнымъ. Почему же онъ является инымъ относительно графа Арнимы? Странно обвинять въ настоящемъ случаѣ князя Бисмарка, который дѣйствуетъ на точномъ основаніи закона. Не мѣшаетъ вспомнить, что еще въ прошломъ году по поводу сдѣланныхъ Ламармою разоблаченій князь Бисмаркъ публично заявилъ, что онъ велѣлъ бы арестовать всякаго прусскаго дипломата, рѣшившагося на подобныя разоблаченія, какъ виновнаго въ похищеніи государственныхъ документовъ. Такой случай теперь представился, и князь Бисмаркъ имѣлъ мужество сдержать свое слово. Мы говоримъ — мужество, и въ этомъ заключается политическое значеніе настоящаго событія. Какъ прежде князь Бисмаркъ считалъ необходимымъ сажать въ тюрьму епископовъ, боровшихся противъ государственной власти, такъ теперь, во имя того же принципа, онъ рѣшился не падить представителя высшей бюрократіи и аристократіи страны. Все должно склоняться предъ идеей государства».

«Въ „N. Lit. Correspondenz“ пишутъ: „Правительство вынуждено было обратиться къ суду, вслѣдствіе безусловности всѣхъ другихъ мѣръ. Еще весною князь Гогенлоэ замѣтилъ отсутствіе въ некоторыхъ документахъ въ парижскомъ архивѣ. Вслѣдствіе его заявленія графъ Арнимъ, находившійся въ то время въ Карсбадѣ, былъ спрошенъ о судьбѣ цѣлаго ряда документовъ церковно-политическаго содержанія. Оказалось, что они находились у графа, который затѣмъ и выдалъ ихъ министерству иностранныхъ дѣлъ. Но вскорѣ обнаружилось, что недостаетъ еще многихъ другихъ бумагъ, касающихся самыхъ важныхъ и секретныхъ политическихъ вопросовъ. Переговоры съ графомъ Арнимомъ по этому вопросу длились нѣсколько мѣсяцевъ, и лишь вслѣдствіе рѣшительнаго отказа графа Арнима возвратитъ требуемые документы, административныя власти вынуждены были обратиться къ суду. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта мѣра была принята съ разрѣшенія Императора, которому были представлены списки недостающихъ документовъ, съ указаніемъ ихъ содержанія».

Данія. Его Величество Король Христіанъ IX открылъ 5-го октября сессію Парламента слѣдующею тронною рѣчью: «Посылаемъ вамъ нашъ королевскій привѣтъ. Возвратившись изъ нашего путешествія по островамъ Ферерскимъ и Исландіи, население которыхъ представило намъ столько знаменъ своей преданности и сочувствія, мы сочли долгомъ лично передать Ригсдагу братскій привѣтъ этихъ отдаленныхъ странъ. Мы полагаемъ, что присутствіе Короля на тысячелѣтнемъ юбилей Исландіи будетъ содѣйствовать устраненію недоразумѣній, которыя слишкомъ продолжительное время препятствовали осуществленію нашихъ отеческихъ намѣреній, и надѣемся, что дарованіемъ острову новой конституціи мы открыли для него новую эру и бросили доброе сѣмя на плодородную почву. Дай Богъ, чтобы это сѣмя принесло добрые плоды для Исландіи и ея населенія».

«Въ минувшую сессію исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени изданія основныхъ государственныхъ законовъ Дави; вмѣстѣ съ нашимъ народомъ мы праздновали эту годовщину въ воспоминаніе о Ко-

ролѣ Фридрихѣ, который раздѣлилъ съ своимъ народомъ наслѣдованную имъ власть, и въ знакъ признательности добрымъ результатамъ, которые принесло его великодушіе. Если мы сочли нужнымъ лично открытъ сегодня сессію Ригсдага, то поступили такъ повинувшись чувству королевскаго долга, которое побуждаетъ насъ выразить передъ Ригсдагомъ желаніе, чтобы раздоры, омрачавшіе въ послѣдніе годы нашу радость по поводу изданія основныхъ государственныхъ законовъ, уступили мѣсто добромъ согласію — необходимому условію всякаго плодотворнаго труда на пользу страны. Мы съ своей стороны сдѣлали все, что считали полезнымъ для достиженія этой цѣли, и теперь надѣемся, что Ригсдагъ соединитъ свои усилія съ усиліями нашего новаго Министерства для довершенія реформъ, клонящихся къ развитію благосостоянія государства, и что онъ не откажется въ своемъ согласіи на ассигнованіе кредитовъ, которые необходимы для правильнаго движенія административнаго организма, для разработкѣ естественныхъ богатствъ страны и усиленія средствъ національной обороны».

«Наши отношенія къ иностраннымъ державамъ не переставали носить дружескій характеръ. Хотя политическія обстоятельства не позволили еще рѣшить вопросъ о Сѣверномъ Шезвигѣ, но мы питаемъ твердую надежду, что онъ будетъ имѣть благоприятный исходъ, который мы и нашъ народъ такъ близко принимаемъ къ сердцу».

Франція. Въ „Journal des Débats“ пишутъ отъ 9-го октября: «Клерикальныя газеты никакъ не могутъ свыкнуться съ мыслью, что французское правительство само рѣшилось отозвать фрегатъ „Ореноко“, а потому онѣ утверждаютъ, будто починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Папѣ, при чемъ указываютъ на переписку, которою по этому поводу обмѣнялись Папа и маршалъ Макъ-Магонъ. Существованіе такой переписки не подлежитъ сомнѣнію, но дѣло въ томъ, что первое письмо было написано маршаломъ, въ которомъ онъ извѣщаетъ Его Святѣйшество о побужденіяхъ, заставившихъ его, какъ главу правительства, дать согласіе на предложеніе своихъ министровъ. Папа, говоря, отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ онъ не обнаружилъ никакого ропота, по поводу принятой французскимъ правительствомъ мѣры, ибо ему извѣстна была политическая необходимость, вынудившая главу государства сдѣлать такую уступку, а потому онъ выражаетъ свою признательность Франціи за усилія, сдѣланныя ею на пользу папскаго престола».

Испанія. Вотъ содержаніе рѣчи, которую, по словамъ официальной мадридской газеты, произнесъ Шодорди, французскій посолъ, при представленіи своихъ вѣрительныхъ грамотъ главѣ исполнительной власти въ Мадридѣ:

«Г. Президентъ исполнительной власти! Имѣю честь вручить вамъ грамоты, которыми я аккредитованъ въ качествѣ французскаго посла. Мое правительство искренно желаетъ поддержки и развитія дружельбныхъ отношеній, издавна существовавшихъ между Франціею и Испаніею; оно увѣрено, что оба народа, взаимно заинтересованные въ сохраненіи такихъ отношеній и устраненіи всѣхъ временныхъ затрудненій, могущихъ нарушить дружбу, соединяющую оба народа. Я употреблю всѣ усилія для достиженія этой цѣли и смѣю надѣяться, что высокое благоволеніе вашего превосходительства поможетъ мнѣ исполнить возложенное на меня порученіе».

«Президентъ республики отвѣчалъ:

«Я увѣренъ также, какъ и ваше правительство, что для Испаніи и Франціи нужно и полезно поддержать и укрѣплять доброе согласіе въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, а потому я съ удовольствіемъ принимаю вѣрительныя грамоты, возлагающія на васъ столь почетныя порученія, и безъ всякаго колебанія-

буду содѣйствовать вамъ въ достиженіи цѣли, которую вы себѣ предначертали. Мое правительство, будучи также увѣрено, что взаимная дружба, одинаково выгодна для обоихъ народовъ, до настоящаго времени употребляло всѣ усилія въ устраненіи временныхъ затрудненій и въ охрненію давней дружбы между обоими народами. Выказанныя вами, возвышенныя чувства, конечно, обещаютъ вамъ исполненіе вашей задачи и вы можете разсчитывать на полное мое содѣйствіе».

Послѣ Шодорди былъ принятъ Лайярдъ, англійскій посланникъ, который, вычитъ свои вѣрительныя грамоты, сказалъ: «Входя въ официальные отношенія съ исполнительной властью, во главѣ которой стоитъ ваше превосходительство, Ея Величество Королева Великобританіи какъ лично отъ себя, такъ и отъ своего народа желаетъ представить доказательство глубокаго сочувствія къ испанскому народу въ переживаемомъ имъ кризисѣ и надѣется, что Испанія будетъ обеспечена будущаго, исполненная мира, счастья и благосостоянія, которая будетъ достигнута только полною свободою дѣйствій и свободнымъ выраженіемъ воли народа. Я уже имѣлъ счастливый случай быть аккредитованнымъ при вашемъ превосходительствѣ, когда вы были главою испанскаго народа и съ тѣхъ поръ я получилъ столько доказательствъ расположенія и вниманія вашего превосходительства, что смѣю разсчитывать на ваше доброе и вашу помощь въ усиліяхъ моихъ въ поддержаніи тѣсныхъ отношеній искренней дружбы, издавна существовавшихъ между Испаніею и Великобританіею».

«Президентъ исполнительной власти, отвѣчая Лайярду, выразилъ въ свою очередь искреннюю увѣренность въ симпатіяхъ Испаніи къ Англійѣ и благодарилъ за пожеланія мира и благополучія, высказанныя посланникомъ».

«Слухи относительно того, что Донъ Карлосъ будто бы раненъ и даже умеръ — говоритъ „Le Nord“ отъ 9-го октября — формально опровергнуты официальной карлистскою газетою „Cuartel Real“ не дѣлающей ни малѣйшаго намека на извѣстія о недавнемъ бунтѣ между карлистами, но при этомъ сообщаетъ, что Доррегарай взялъ отпускъ для поправленія здоровья. Быть можетъ, отъѣздъ Доррегарая имѣетъ другія основанія и можетъ служить указаніемъ того, что онъ впалъ въ немелость, потому что между этимъ вождемъ и другими карлистскими начальными, какъ извѣстно, существовало постоянное соперничество, и Донъ Карлосъ, доселѣ державшій сторону Доррегарая, поведенію отказавшись теперь поддерживать его. Весьма вѣроятно, что это поведетъ къ новому разрыву между карлистами, не говоря уже о томъ, что у нихъ не много такихъ способныхъ генераловъ, какъ Доррегарай, который пользуется особеннымъ уваженіемъ солдатъ. Послѣднія событія имѣли бы губительныя для карлистскаго восстанія послѣдствія, если бы мадридское правительство сумѣло воспользоваться ими и посильно открытъ противъ карлистовъ энергическія военныя дѣйствія, что неминуемо внесло бы разстройство въ лагерьъ карлистовъ».

(Изъ № 226 Прав. Вѣстн.)

Испанія. Парижскій корреспондентъ „Times“ сообщаетъ отъ 9-го августа: «Рѣчи, произнесенныя графомъ Шодорди и Лайярдомъ при передачѣ маршалу Сerrano вѣрительныхъ грамотъ, обратили на себя большое вниманіе въ здѣшнихъ дипломатическихъ и политическихъ кружкахъ, но французская печать едва сказала о нихъ нѣсколько словъ. Такая сдержанность объясняется инструкціями, разосланными газетамъ, совѣтовавшими послѣднимъ крайне осторожно обсуждать испанскія дѣла и въ особенности воздерживаться отъ комментаріевъ на указанія выше рѣчи. Но каждому должно броситься въ глаза рѣзкое различіе между рѣчами французскаго и англійскаго посланниковъ, которыми, по словамъ одной французской министерской газеты, даны были одинаковыя инструкціи. Искреннее сочувствіе, про-